

После ужина император из последних сил заставлял себя слушать рассуждения премьер-министра о тяготах народной жизни. Как только он почувствовал, что еда в желудке переварилась, он тут же принялся подгонять супруга в постель.

Премьер-министр столько времени распинался перед ним, и никак не ожидал, что у того на уме лишь «эти дела». Истинный деспот!

От гнева ему нестерпимо захотелось удариться о колонну, но помощников рядом не было — если он бросится в атаку на столб, его никто не поймает, а расшибаться по-настоящему в его планы не входило.

Поддавшись уговорам и скрытым угрозам императора, премьер-министр отправился совершить омовение и заодно провести подготовку. В разгар процесса император попытался войти и «помочь», но был с позором изгнан резким словом. Ему пришлось отступить.

Завершив приготовления, премьер-министр облачился в тонкое газовое платье и вошел в опочивальню.

Император уже лежал на ложе. При виде вошедшего его глаза вспыхнули; взмахом руки он приказал слугам удалиться.

Премьер-министр мелкими шагами подошел к кровати и раскрыл полы халата, представ перед государем во всей красе.

У императора внутри всё затрепетало, но ему стало неловко пристально разглядывать супруга, поэтому он отвернулся и начал снимать свою одежду. Оба, каждый в своем смущении, забрались на кровать и, обнаженные, уставились в потолок, на складки полога.

Первым повернулся император, желая прервать неловкое молчание. Проявив достойное ученика рвение и не постыдившись спросить совета у «мастера», он уточнил:

— Что Я должен делать дальше?

Не дожидаясь ответа, он первым делом потянулся рукой к тылу премьер-министра. Раздвинув полные ягодицы, он осторожно ввел указательный палец внутрь — точно так же, как и вчера.

Хороший ученик никогда не ждет пассивно, пока учитель даст отмашку.

Премьер-министр понимал, что эта ночь будет иной. Преодолевая стыд, он подбодрил императора:

— Да... а теперь медленно надавливай в разные стороны, расширяя...

Он обвил руками плечи государя и уткнулся лицом ему в грудь. Император следовал наставлениям: водил пальцем кругами, надавливал на стенки, разминая плоть. Складки у входа постепенно разглаживались под напором, а растаявшая мазь со сливой вытекала наружу.

Премьер-министр невольно застонал.

Вцепившись в руки императора, он выдохнул:

— Сильнее...

Услышав это, император приложил больше усилий.

— Теперь введи второй палец...

Он был лучшим из учеников — схватывал всё на лету.

Когда один палец начал свободно входить и выходить, он протиснул внутрь средний, медленно надавливая. Его пальцы двигались в глубине, подцепляя и вращаясь, имитируя движения при соитии.

Затем зашел и третий палец.

Император всё еще сдерживал темп, боясь причинить боль. Он позволял своему огромному инструменту разбухать, упираясь в бедро премьер-министра и ожидая своего часа.

Спустя долгое время император хрипло спросил:

— Теперь можно?

Премьер-министр, прижавшись к груди императора, издал тихое «угу».

В его голосе не осталось и следа той решимости, с которой он бросался на колонны во дворце. Он поднял ноги, обхватывая ими талию императора, и, обвив руками его шею, прошептал прямо в ухо:

— Входи.

Голос его звучал чисто и прозрачно, как капли весенней воды, стекающие с красной черепицы дворца. У императора сердце пропустило два удара.

Он вывел три пальца, навис над премьер-министром и чуть приподнял его ноги, которыми тот сжимал его бедра.

Ладонь императора снова легла на ягодицу, раздвигая плоть, обнажая полностью подготовленный вход. Одной рукой он направил головку своего возбужденного органа к отверстию.

Из-за нервного напряжения премьер-министра тайное лоно слегка сжалось.

Император успокоил его:

— Не нервничай.

Хотя у самого на лбу уже выступил пот от волнения.

Затем, придерживая свой огромный ствол, он начал медленно вводить его внутрь. Нежная плоть со всех сторон сопротивлялась вторжению.

Он двигался с остановками, прикладывая силу, чтобы пропихнуть часть плоти. Премьер-министр глухо охнул, и император тут же замер.

— Там слишком узко, — проговорил император.

И слишком горячо — каждый дюйм плоти внутри словно соперничал за его внимание, плотно облепляя его достоинство.

Премьер-министр еще крепче обхватил шею императора, чувствуя, как орган, вошедший лишь на малую часть, продолжает увеличиваться внутри.

Он стиснул зубы и, собравшись с силами, сам подался бедрами вперед. Он принял в себя добрую половину, от боли покрывшись испариной и побледнев лицом.

<http://bllate.org/book/17312/1620388>